

з'яўляецца Лявон Кужаль: "Звычайнага ў табе многа, сялянскага... Такія для рэвалюцыі не гадзяцца..." [3, с. 148].

Стварыць маштабны нацыянальны характар, асэнсаваць лёс народа на пераломных паваротах гісторыі У. Гніламёдаву дазваляе эпічная глыбіня мыслення і высокі ідэйна-эстэтычны ўзровень пісьма. Арыентуючыся на класічную эпічную традыцыю, пісьменнік узбагачае яе новымі сродкамі апавядальнай паэтыкі. Так, будуючы сюжэт, аўтар выкарыстоўвае, побач з традыцыйным лінейным апавяданнем, прыёмы вяртання, забягання наперад, "шахматнага" размяшчэння фэбульнага часу, вядзе нарацыю ад імя розных асоб (у тым ліку і праз дзённікі, ліставанні). Гэта, безумоўна, ажыўляе чытацкую ўвагу, як і прыём загадкі, што паймаў майстэрску ўжывае аўтар. Увядзенне аўтарскіх разваг, цытаванне гістарычных дакументаў, апісанне побыту ўдала спалучаецца з дынамічнымі, лёгкімі, неабцяжарнымі аўтарскай мовай дыялогамі. Асаблівым майстэрствам вызначаюцца разнастайныя, адпаведныя аўтарскай ідэйнай устаноўцы, паэтычныя пейзажы, насычаныя вобразна-выяўленчымі сродкамі і мясцовай канкрэтыкай. Сапраўднай удачай аўтара стала сістэма выдатных вобразаў-персанажаў, прычым і героі, і другарадныя, і дапаможныя, і нават выпадковыя персанажы падаюцца праз разнастайныя спосабы экспазіцыі і характарыстыкі (у прыватнасці, праз яркія дэталі партрэта, моўную індывідуалізацыю, унутраныя маналогі).

Эпічныя творы У. Гніламёдава, у якіх глыбока асэнсоўваецца беларускі нацыянальны характар у пераломныя моманты гісторыі, ужо сталі самай значнай з'явай сучаснага літаратурнага працэсу і сведчаннем таго, што імкненне да эпічнай маштабнасці – істотная тэндэнцыя развіцця сучаснай беларускай прозы.

Крыніцы і літаратура

1. Літаратура і мастацтва. – 2007. – 19 кастрычніка.
2. Гніламёдаў, У.В. Расія: раман / Уладзімір Гніламёдаў. – Мінск: Харвест, 2007. – 672 с.
3. Гніламёдаў, У.В. Вяртанне: раман / Уладзімір Гніламёдаў. – Мінск: Мастацкая літаратура, 2008. – 429 с.

ПРАЗДНИКИ В ПОВСЕДНЕВНОСТИ АМЕРИКАНСКОЙ РЕВОЛЮЦИИ КОНЦА XVIII В.

М.А. Филимонова

Курск, Курская академия государственной и муниципальной службы

Праздник – необходимая часть любой культуры. Каждая нация при своем становлении создает и собственную номенклатуру праздников. Праздничное время сакрализуется; оно циклически воспроизводит определенные события и потому противопоставляется десакрализованному линейному времени будней. Праздничные ритуалы часто имеют фольклорное происхождение, но в современном обществе изначально магические обряды могут терять прежнее содержание и наполняться новым.

Все это легко проследить на примере Американской революции конца XVIII в. Становление праздничной культуры здесь прослеживается особенно четко, поскольку именно в это время происходило также становление американской государственности и национальной идентичности.

Колониальная праздничная культура была несамостоятельной. Она почти целиком заимствована из британской традиции. В колониях праздновали победы Британской империи и праздники, связанные с королевской семьей. Ритуалы подтверждали мощь Британской империи. Например, в 1765 г. в Чарльстоне отмечался день рождения короля. Утром был устроен парад колониальной милиции. За ним последовал элегантный обед для южнокаролинской политической и религиозной элиты. В полдень палили пушки чарльстонского форта и кораблей, стоявших в городской гавани. Вечером празднование завершилось иллюминацией [1]. В период революции подобные праздники стали маркерами тори (лоялистов) – сторонников британской монархии.

Традиционно отмечались в Америке и другие праздники британского происхождения. 5 ноября праздновался популярный День Гая Фокса. Колонисты английского происхождения справляли День св. Георгия, ирландцы – День св. Патрика.

Собственно революционные праздники первоначально представляли собой разовые мероприятия, отмечавшие какое-либо конкретное событие, или даже попросту то, что современный историк называет «колониальными флэшмобами» [2, р. 51]. Так, например, Джон Адамс в 1769 г. описывал в своем дневнике обед, устроенный массачусетскими «сынами свободы». Два стола, рассчитанные на 300–400 человек, были накрыты под открытым небом. После угощения была показана пантомима и исполнены патриотические песни. Адамс высоко оценил применение таких приемов: «Весьма разумно со стороны Отиса и [Сэмюэля] Адамса устраивать подобные празднества, ибо они накладывают отпечаток на умы людей и пробуждают в них любовь к свободе. Они заставляют народ любить своих лидеров и питать отвращение и враждебность ко всем [их] противникам» [3, vol. 1, р. 341]. Данное мероприятие не представляло собой коммеморации. Однако коммеморативные празднества также рано вошли в обиход американских патриотов (вигов). В том же 1769 г. в Плимуте впервые отмечался «день отцов-пилигримов» (Forefathers' Day), ставший впоследствии национальным праздником. Члены одного из местных клубов устроили в честь события обед, где все присутствующие должны были одеться в самом скромном стиле, в подражание суровым пуританам.

В период Войны за независимость поводами для праздника становились победы Континентальной армии, заключение союза с Францией и т.п.

Франко-американский альянс, например, был отмечен особой церемонией в лагере Континентальной армии в Вэлли-Фордж. Естественным элементом праздника, учитывая обстоятельства, стали военные маневры, оружейный и мушкетный салют, а также «ура» в честь короля Франции и союзных европейских держав (во множественном числе, хотя реально Франция была единственным союзником США). Дело было весной и, в отличие от катастрофического Дня благодарения (о нем речь пойдет ниже), «радость царила во всем лагере» [4, р. 151–152].

Широко отмечалось и завершение Войны за независимость. В Нью-Йорке, на Боулинг-Грин, был устроен великолепный фейерверк. Его началом послужило огненное изображение голубки, летящей с оливковой ветвью [4, р. 422].

С течением времени окказиональные церемонии, подобные описанным выше, могли превращаться в календарные праздники, сопровождавшиеся определенными ритуалами. Многие из этих праздников остались на региональном

уровне. Так, в Бостоне в 1771–1783 гг. 5 марта отмечалась годовщина «бостонской резни». В Южной Каролине с 1777 г. празднуется победа группы местных патриотов, сумевших защитить столицу штата от английского флота (в настоящее время праздник именуется Днем Каролины – Carolina Day). В Нью-Йорке с 1783 г. отмечается также 25 ноября – день окончания английской оккупации города (Evacuation Day).

Некоторые торжества приобретали общенациональный характер. Здесь стоит остановиться на двух календарных праздниках, до сих пор особенно любимых в США: Дне независимости и Дне благодарения.

Годовщина провозглашения независимости очень рано стала центром революционной праздничной традиции. Символическое значение этого акта было огромным. Независимость означала для американцев нечто большее, чем создание новой суверенной державы. Это был резкий разрыв с прошлым, с традицией, с англосаксонской общностью.

4 июля 1776 г., День независимости, очень рано начинает восприниматься как часть сакрального времени, подлежащего воспроизведению в ритуале. В 1777 г. первая годовщина была пышно отпразднована в Филадельфии. Суда континентального флота и флотилия штата Пенсильвания прошли парадом по реке Делавэр, украшенные цветами всех наций. Президент Конгресса посетил один из кораблей и был встречен троекратным «ура». Состоялся также торжественный обед для членов Конгресса и представителей пенсильванских органов власти. Музыку обеспечивали пленные гессенские солдаты, захваченные в сражении при Трентоне. Кавалеристы, артиллерия и пехота устроили показательные маневры. Весь день в городе звонили колокола. То и дело раздавались оружейные салюты из тринадцати залпов (по числу восставших штатов). В небе сверкали фейерверки, на улицах горели костры. Выйдя вечером прогуляться, Дж. Адамс отметил, что на окнах всех домов горят свечи; лишь несколько мрачных зданий оставались неосвещенными [5, vol. 7, p. 293–294].

С течением времени сценарий торжества лишь обогащался новыми элементами. Обязательной частью праздника стали речи 4 июля, чьей темой непременно должна была быть свобода, революция, патриотизм. В 1786 г. было принято решение устраивать в этот день официальный прием у президента Конгресса [6, vol. 30, p. 368].

Другой популярный праздник, День благодарения, отмечался в новоанглийских колониях с XVII в. Традиция связывает его с первым урожаем, собранным «отцами-пилигримами» на американской земле. Но в период революции праздник приобрел новый смысл и общенациональный характер. Как и День независимости, он был предельно политизирован, но отличался более выраженной религиозной окраской.

Первый общенациональный День благодарения был назначен Конгрессом на 18 декабря 1777 г. в честь крупной победы при Саратогге. В рекомендации штатам, составленной С. Адамсом, предлагалось молить Бога о благополучии отдельных штатов и США в целом, о даровании мудрости и силы американским полководцам и в целом о даровании Америке «величайшего из земных благ – независимости и мира». Американцам рекомендовалось также воздержаться в этот день от работы и некоторых видов развлечений, «хотя и невинных в другое время, но, возможно, не подходящих к целям данного торжества» [6, vol. 9, p. 854–855].

Впоследствии дни благодарения назначались ежегодно, каждый раз на новые даты. В современном виде праздник сложился лишь в XX в.; в 1941 г. для него была назначена дата: четвертый четверг ноября.

Революционный праздник, в том числе в Американской революции, выполняет не только рекреационную и коммеморативную, но и политическую функцию. Важнейшая его задача – сплочение «воображаемого сообщества» революционеров. Не случайно использование в ходе праздника различных маркеров, позволяющих отличить «своих» от «чужих». Такими маркерами служили, например, свечи на окнах в День независимости: тори их не зажигали. Эту функцию праздника четко осознавали сами современники. Так, Дж. Адамс замечал, что крики «ура» 4 июля «радовали каждого друга своей страны и вселяли предельный ужас в каждого скрывающегося тори» [5, vol. 7, p. 294].

Нередко использовались обряды, восходящие к древней люстрационной магии, но радикально переосмысленные. В этнографической литературе очень часто описываются обряды с куклой-чучелом, изображающей карнавал, масленицу, зиму, смерть и пр. В конце обряда это чучело сжигается, топится в реке, разрывается на куски. Например, в Англии во время рождественских и новогодних праздников принято было сжигать соломенное чучело Старого года, позже – смоляные бочки и старые лодки. Также во время различных праздников было принято символическое уничтожение различных зловредных персонажей: «ведьмы» в Шотландии, Гая Фокса в Англии [7, с. 122]. Люстрационные обряды предполагали очищение, символическое уничтожение враждебных сил. Отечественный этнограф С.А. Токарев подчеркивал возможность переосмысления древнейших обрядов, приводя в пример сходство обряда сожжения чучела Гая Фокса 5 ноября и подобный же обряд сожжения чучела «Постного Джека» в пельную среду [7, с. 212].

В Американской революции происходило то же переосмысление, трансформация традиционных обычаев. Обрядовый комплекс, отражающий веру в очистительную силу огня, был в переосмысленном виде включен в революционный праздник. Уничтожению подлежало то, что противостояло революции. Показательна трансформация Дня Гая Фокса. Он приобретал новый политический смысл, становясь символическим отторжением не только католицизма, но и торизма. Еще в колониальный период к процессии одиозных персонажей (дьявол, римский папа, католические монахи и т.д.), проходивших в этот день по улицам города, присоединяли изображения непопулярных политиков. Традиция была продолжена во время Войны за независимость, когда в подобных процессиях представляли чучело изменника Б. Арнольда.

Массовые празднества революционных эпох представляют собой также своеобразный полигон для отработки новой политической мифологии [8, с. 232]. Так было и в Америке. Политический миф Нового времени о борьбе Свободы и Тирании составлял содержание многих праздничных ритуалов. Это можно заметить, например, в период кризиса, связанного с Гербовым сбором. 5 ноября 1765 г., в день Гая Фокса, в филадельфийском порту были приспущены флаги на мачтах судов – в знак траура по погибающей свободе [2, p. 52]. День независимости, в свою очередь, был призван продемонстрировать торжество революционной утопии: свободное, процветающее, гармоничное сообщество патриотов.

Таким образом, Американская революция трансформировала сферу повседневности, в том числе такой ее элемент, как праздничная культура. Старые

праздники исчезали или трансформировались в соответствии с новой революционной ментальностью. Рождалась новая государственность, а вместе с ней и новая праздничная традиция.

Источники и литература

1. South Carolina Gazette. June 8, 1765.
2. Hutchins, Z.M. Community without Consent: New Perspectives on the Stamp Act / Z.M. Hutchins. Hanover, N.H., 2016.
3. Adams, J. Diary and Autobiography: 4 vols. / J. Adams / ed. by L.C. Faber. Cambridge (Mass.), 1961.
4. Thacher, J. A Military Journal During the American Revolutionary War, from 1775 to 1783 / J. Thacher. Boston, 1823.
5. Letters of Delegates to Congress, 1774–1789: 26 vols. / ed. by P.H. Smith. – Washington, D.C., 1976–2000.
6. Journals of the Continental Congress. 1774–1789: 34 vols. / ed. by W.Ch. Ford. – Washington, D.C., 1904–1937.
7. Календарные обычаи и обряды в странах зарубежной Европы. Исторические корни и развитие обычаев / отв. ред. С.А. Токарев. М., 1983.
8. Малышева, С.Ю. Историческая мифология советских «революционных празднеств» 1917–1920 гг. / С.Ю. Малышева // Диалог со временем. – Вып.10. М., 2003.